

УДК 34

М. Е. Каледин

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК СЛЕДСТВИЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ – СИМБИОЗА МИКРО- И МАКРО- СРЕД

Личность несовершеннолетнего преступника всегда была объектом пристального внимания со стороны криминалистов, психологов, педагогов, представителей уголовно-правовой науки. Что является предопределяющим фактором в контексте её формирования и становления – совокупность наследственных факторов или влияние социума? Либо же личность ювенального преступника есть результат многофакторной детерминации – взаимодействия биологического и социального? В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку анализа и систематизации различных доктринальных концепций и взглядов на этот счёт, сформировал субъективное мнение.

Автором предлагается классификация причин и условий, способствующих криминализации личности несовершеннолетнего преступника. При этом, он останавливается на самых релевантных, по его мнению, детерминантах преступности, к которым отнесены – семья, выступающая в качестве предопределяющего звена микросреды. В рамках настоящего исследования также раскрываются разновидности неблагополучной семьи, приводятся концепции учёных по данному вопросу, данные официальной статистики относительно разводов на территории России.

Автор подробно останавливается на виктимизации как возможной детерминанте преступности, приводит позиции отечественных и зарубежных исследователей

по данному вопросу, делает вывод о существовании прямой причинно-следственной связи между совершенным фактом виктимизации в отношении несовершеннолетнего и его последующим делинквентным поведением.

Следующей значимой детерминантой, по мнению автора, являются психофизиологические патологии, в исследовании подробно рассматриваются психогенно обусловленные пограничные состояния в контексте возможных благоприятных условий для последующей криминализации несовершеннолетнего.

Вместе с тем, автор рассуждает о парадоксальности детерминант преступности в контексте предопределения последующего поведения потенциального преступника, делает вывод о том, что личность человека, в данном случае, является основным механизмом, предопределяющим выбор индивидуума.

Изучение личности несовершеннолетнего преступника имеет колоссальное значение в контексте осуществления профилактических мероприятий в целях последующей минимизации ювенальной преступности, в связи с чем, автор, на основании анализа действующего законодательства, предлагает конкретные пути совершенствования действующих норм права.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, преступность, виктимизация, криминализация, неблагополучная семья, психофизическая неполноценность.

Maksim Kaledin

CRIMINALIZATION OF ADOLESCENTS AS A RESULT OF MULTI-FACTOR DETERMINATION – A SYMBIOSIS OF MICRO- AND MACRO- ENVIRONMENTS

The identity of a minor criminal has always been the object of close attention from criminologists, psychologists, teachers and representatives of criminal law science. What is the determining factor in the context of its formation and formation – a set of inherited factors or the influence of society? Or is the identity of a juvenile delinquent the result of a multi-factorial determination – the interaction of biological and social? In the framework of this research, the author has attempted to analyze and systematize various doctrinal concepts and views on this subject, and formed a subjective opinion.

The author offers a classification of causes and conditions that contribute to the criminalization of the personality of an imperfect criminal. At the same time, he dwells on the most relevant, in his opinion, determinants of crime, which include the family, which acts as a determinant of the microenvironment. This study also reveals the types of dysfunctional families, provides scientific concepts on this issue, and official statistics on divorce in Russia.

The author dwells in detail on victimization as a possible determinant of crime, cites the positions of domestic and foreign researchers on this issue, and concludes that there is a direct causal relationship between the fact of victimization committed against a minor and his subsequent delinquent behavior.

The next significant determinant, according to the author, is psychophysiological pathologies. The study examines in detail psychogenically determined border states in the context of possible favorable conditions for the subsequent criminalization of a minor.

At the same time, the author discusses the paradoxical nature of the determinants of crime in the context of determining the subsequent behavior of a potential criminal, and concludes that the human personality, in this case, is the main mechanism that determines the choice of an individual.

The study of the identity of a minor criminal is of great importance in the context of preventive measures for the

subsequent minimization of juvenile delinquency, in this regard, the author, with the reference to the analysis of current legislation, offers specific ways to improve the existing legal norms.

Современные реалии обуславливают острую необходимость изучения личности несовершеннолетнего преступника – всех циклов её формирования и становления.

За подрастающим поколением – будущее современного общества и государства – качество, уровень и безопасность бытия.

Что предопределяет поведенческий фактор индивидуума – наследственная предрасположенность или комплекс социально-бытовых установок?!

Более полувека назад исследователь В. М. Полянин писал: «категории – наследственность и изменчивость есть неотъемлемые свойства всех живых существ, необходимые атрибуты самой жизни. Это именно они – две противоположные «медали» одной и той же сущности: консервативное начало – это наследственность – статика; прогрессивное – изменчивость – динамика – обеспечивают как преемственность живых форм в бесконечной череде поколений, так и их эволюционные преобразования на протяжении космических времен истории Земли» [1, с. 319].

Полагаем, личность несовершеннолетнего преступника – есть симбиоз эндогенных и экзогенных факторов, в связи с чем, было бы неверно рассматривать исследуемый феномен исключительно с позиций биологического или социального. В данном случае, усматривается дуализм явлений – сложное и многогранное диалектическое взаимодействие различных элементов, обуславливающих конкретный поведенческий механизм.

В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку подробного выделения элементов многофакторной детерминации, создающих, по его мнению, предпосылки для последующей криминализации несовершеннолетнего; также предлагает пути совершенствования законодательства как способ предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних.

Так, автор выделяет следующие индивидуальные и коллективные факторы, к коим относит:

– **Эмоциональные.** Например, гиперактивность как патологическое явление;

– **Физиологические:**

1) низкий уровень когнитивного развития, обусловленный недоношенностью, сложностями при родоразрешении либо плохой наследственностью;

2) психолого-психиатрическая дефектность личности;

3) другое;

– **Семейные:**

1) деструктивное воспитание – элементы физического и (или) психологического воздействия;

2) виктимизация подростка;

3) развод;

4) родительская психопатология;

Key words: juvenile justice, delinquency, victimization, criminalization, disadvantaged family, mental disability.

5) подростковое «родительство» и искаженная структура семьи (например, сценарий «перевернутых ролей», когда ребенок возлагает на себя функцию «родителя»);

6) низкий уровень материальной обеспеченности в семье.

– **Коллективные факторы:** школьные и общественные факторы:

1) сложности с адаптацией и идентификацией личной принадлежности к определенной группе;

2) низкий уровень успеваемости;

3) асоциальное соседство;

4) дезорганизованные районы с высоким уровнем криминогенности;

5) виктимизация подростка;

6) высокая концентрация делинквентных групп сверстников;

7) возможность доступа к запрещенным вещам и оружию;

8) контакты с девиантными подростками и (или) взрослыми;

9) состояние неприятия и отвержения со стороны сверстников и (или) взрослых («изгой», «белая ворона»).

Таким образом, указанные индивидуальные и коллективные факторы предопределяют и обуславливают поведенческий тип несовершеннолетнего подростка в контексте его возможной криминализации.

В рамках настоящего исследования, автор предлагает остановиться на ключевых (релевантных) факторах, которые, как правило, являются предопределяющими для подростка в контексте вариации его поведения и выбора.

Семья

Семья является для подростка целым миром и вселенной, именно из нее черпаются все значимые категории: добра и зла, допустимого и недопустимого, одобряемого и порицаемого [7].

Так, отечественный учёный Г. И. Чечель отмечает: «в семье ребенок получает свои первые представления о хорошем и дурном. И с багажом жизненных установок и правил, полученных в семье, он выходит в жизнь» [21, с. 41].

Семья – базовое место, где у ребенка закладываются своего рода нравственные «ограничители».

Рассуждая о роли семьи в контексте детерминанты поведения подростка, считаем целесообразным остановиться на категории «неблагополучных», «трудных» семей. Исследуемые категории являются своеобразными социальными средами, характеризуются латентностью и сильными само регулятивными началами.

В доктрине выделяются различные виды неблагополучных семей: 1) конфликтная семья; 2) аморальная семья; 3) педагогически несосто-

тельная семья; 4) антисоциальная семья [17, с. 15–25].

По определению – неблагополучная семья – место с некоей червоточиной, различными дефектами педагогического процесса.

В современном социуме нередко встречаются и семьи, с так называемой, иллюзией нормальности, то есть, где на первый взгляд – идиллия и благополучие, однако существует некий подтекст, который может выражаться различным образом. Например, в чрезмерной жесткости и диктатуре в воспитательном процессе, «препоминании» инициатив подростка и др. Такой педагогический «брак» также имеет неблагоприятные последствия.

И. С. Кон полагает, что нет ни одного социального или психологического аспекта поведения юношей и девушек, который не зависел бы от их семейных условий в настоящем или прошлом [16].

Следовательно, одним из факторов, способствующих формированию отрицательной направленности подростка, является «неблагополучная» семья.

В научной литературе также выделяют разновидность неблагополучной семьи – «неполная» семья.

«Неполная» семья, по мнению исследователя Е. С. Жигарева, автоматически является, в большинстве случаев, причиной перехода ребенка на преступный путь [9, с. 381].

Вместе с тем, следует отметить, что распад семьи не является обязательным предопределяющим фактором становления несовершеннолетнего на преступный путь. Определяющее и решающее значение имеет темперамент подростка – волевой элемент, нравственный стержень.

Необходимо отметить, что в последнее десятилетие в России наметилась негативная тенденция к разводам – статистика расторжения браков вплоть до 2018 года остается неизменной и составляет в среднем около 610 000 тысяч ежегодно. Общее количество зарегистрированных браков ежегодно около 1 000 000, то есть, распадается примерно каждые 6 из 10 семей [19].

Вместе с тем, ни одни статистические данные не могут отражать в полной мере всех социальных реалий, так как коэффициент фактически распавшихся семей в условиях официально не распавшего брака – велик.

Рассуждая о категории – «полной» семьи, целесообразно отметить, что она не является мерилom и гарантом правомерного поведения несовершеннолетнего – в исследуемом вопросе многое действительно относительно.

Дискутируя о микросреде подростка, нельзя обойти стороной вопрос педагогической безграмотности и ограниченности значительной части родителей. Умаление значения «здоровой» педагогики, преувеличение личных воспитательных возможностей, необоснованная самонадеянность характерны многим взрослым.

Большинство соотечественников воспитывает несовершеннолетних в духе педагогики советско-

го общества, несмотря на то, что многие устои устарели и изжили себя.

Так, учёный Г. М. Миньковский отмечал, что необходимо «воспитание воспитателей» – дифференцированного педагогического всеобуча родителей, оказание им помощи в создании надлежащих условий для правильного развития детей [11, с. 444].

В условиях российской действительности, также как и в ряде государств постсоветского пространства, существует феномен «культуры насилия», который выражается в навязывании взрослыми «одностороннего» мышления, в установлении неоправданного количества запретов. Вместе с тем, подростки (и не только) живут по принципу – «запретный плод сладок». Как следствие – масса запретов и установок не способствует пресечению и предотвращению нежелательного поведения, а, наоборот, способствует выработке у подростков защитного барьера, сопутствующими элементами которого являются ложь, лицемерие, негативизм [8, с. 352].

Следовательно, если в семье отсутствует признание, понимание и принятие, то подросток ищет их извне.

Таким образом, разумное предоставление выбора и непредвзятое мышление родителей, минимизация императивных начал – существенно уменьшает потребность подростка в выражении сопротивления, т.е. проявлении негативизма.

Следующий, не менее важный элемент многофакторной детерминации, – образовательное учреждение, которое по праву является вторым этапом в развитии и становлении личности, формировании концепции взглядов и интересов (конструктивных и (или) деструктивных).

Рассуждая о роли образовательных учреждений, нельзя не отметить, что данный сектор также характеризуется немалой педагогической некомпетентностью. Закон педагогики гласит: «нет плохих учеников, есть плохие учителя».

Как известно, в России процветает «карательная» педагогика, навязанная административно-командной системой. В условиях процветания рыночной экономики и постоянного роста цен, отмечается регресс заинтересованности в образовательном процессе у самого педагогического состава, отсутствие должного уровня профессионализма и любви к профессии.

Как следствие, ученики «считывают» эмоциональный настрой, вследствие чего, логичным исходом является потеря интереса и мотивации к образованию.

В существующей действительности, одна из важных задач государственной политики – повышение роли учителя, его профессиональной ответственности, пополнения педагогического состава молодежью, способной новаторски работать в условиях демократизации школы, её самоуправления. Однако, дискутируя о месте и роли учителя, необходимо помнить и об условиях, в которых осуществляется учебная деятельность. В настоящее время, учитель отошел на

второй «план», а на первый вышел «учебник», окруженный многочисленными «циркулярами». Творческое начало учителей вроде бы поощряется, однако присутствуют определенные оговорки и подтекст. И пока сложившаяся ситуация не изменится, положение учителя-новатора останется шатким.

Неправильно и (или) неэффективно организованный образовательный процесс является немаловажным фактором возможной последующей криминализации подростка. По мере совершенствования образовательной системы наравне с дополнительным школьным образованием, бесплатными секциями, кружками — минимизируется возможность криминализации несовершеннолетней личности в условиях создания и поддержания конструктивного эмоционального и материального микроклиматов.

Что касается взаимосвязи и взаимодействия микро и макро сред, то обязанность родителей заключается во всемерном повышении авторитета школы и учителя в глазах ребенка, воспитании детей в духе уважения и любви к труду и учебе, подготовке их к общественно полезной деятельности, приучении к порядку и дисциплине.

Вместе с тем, было бы ошибочным гиперболизировать и унифицировать роль семьи и взрослых в контексте предопределения поведения подростка. Школа есть константа и главная сила в формировании высоких нравственных качеств и навыков общественно полезной деятельности подростков. И там, где ослабевает положительное воздействие школы на духовный мир и поведение тинейджеров, закономерно возрастает влияние на них бытового окружения и возможных отрицательных явлений в семье.

Следующий элемент многофакторной детерминации, который автор считает целесообразным раскрыть — виктимизация подростков.

Дефиниция — victimization в переводе с английского языка обозначает приобретение статуса жертвы, потерпевшего в результате воздействий и влияний как внешних, так и внутренних.

Вероятность виктимизации существует в двух ипостасях одновременно — как элемент микро- и макросреды. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим подробнее первый вариант.

Многие исследователи, как российские, так и зарубежные, отмечают, что виктимизация в возрасте до восемнадцати лет способствует формированию жестокости и является предпосылкой последующей делинквентности подростка [23, с. 36, 635–647].

В США проводилось исследование, посвященное изучению взаимосвязи между установленным фактом насилия в отношении несовершеннолетнего и последующим фактом совершения противоправного деяния самим несовершеннолетним. Было установлено, что факты насилия оказывают разрушительное воздействие на несовершеннолетних — способствуют формированию стресса, психологической дисфункции, вызывают негативные поведенческие последствия [24, с. 22, 94–103].

Исследование показало, что несовершеннолетние лица, которые подвергались жестокому обращению в семье, впоследствии, более чем в четыре раза чаще подвергались аресту во взрослом возрасте [25, с. 22, 1581–1602].

Результаты исследования диагностировали корреляцию между совершением физического насилия в отношении несовершеннолетнего и последующим повышением уровня агрессии и негативизма у таких лиц [18].

Важно отметить, что российская доктрина придерживается аналогичной позиции — о росте преступности вследствие виктимизации, о существующей тенденции перехода статуса — жертвы или виктимы в статус преступника.

Российские исследователи аналогичным образом дифференцируют несовершеннолетних жертв на «активных» и «пассивных». Модель поведения первых обусловлена «игрой» в провокаторов, абьюзеров, инициаторов [22].

Вторая категория — это, как правило, лица с подавленной волей и низкой самооценкой, их функционал — роль исполнителя [3].

Обе категории потенциально опасны и требуют комплексного подхода.

Дискутируя о насилии внутри семьи, т.е., когда несовершеннолетний «напитывается» актами жестокости из микросреды, а впоследствии воспроизводит аналогичные действия, можно говорить о психологической категории семейного «сценария».

Ситуация семейного «сценария» — это порицание конкретной модели поведения, например, насилия в различных формах его проявления и последующее неосознанное «проигрывание» (повторение) аналогичного поведения (ранее порицаемого этим же лицом).

Таким образом, подросток или взрослый, как правило, неосознанно воспроизводит привычный и знакомый ему семейный «сценарий», который транслировался ему в течение долгого времени.

Вместе с тем, необходимо отметить, что существуют исключения, т.е., когда подросток (чаще взрослый) самостоятельно или при помощи психотерапии производит комплексный анализ предшествующих условий воспитания и сознательно меняет ранее транслированные установки и навязанные взрослыми правила «игры».

В такой ситуации, факт виктимизации в детском или подростковом возрасте теряет ключевое значение в контексте предопределения последующего поведения несовершеннолетнего и становится данностью, никак не влияющей и не предопределяющей поведенческие акты.

Таким образом, автор приходит к выводу, что виктимизация — это конечный результат симбиоза эндогенных и экзогенных факторов, сосуществующих между собой по закону диалектики и предопределяющих, в конечном итоге, поведенческий акт человека.

Следующий элемент многофакторной детерминации, который тесно связан с виктимизацией, — психофизиологическая дефектность личности.

Как известно, существует большой перечень психологических и психиатрических аномалий, при наличии которых можно говорить о наличии у субъекта уголовного правоотношения состояния ограниченной (уменьшенной) вменяемости или полной невменяемости.

К таковым патологиям отнесены – психофизический инфантилизм, под которым принято понимать состояние психической или психофизической незрелости [5]. Как правило, при такой патологии клиническая картина выглядит следующим образом: физическое и психическое состояние организма несовершеннолетнего соответствует не паспортному, а младшему возрасту. Физические движения отличаются активностью, но одновременно и характеризуются отсутствием выработанных навыков. Определяющим мотивом деятельности таких подростков является сиюминутное исполнение всех прихотей, действия подчинены игровому компоненту, характерна быстрая утомляемость, снижение умственных способностей, невозможность концентрации внимания, несамостоятельность, эмоциональная лабильность, подражание, отсутствие самоконтроля и самоанализа, поверхностность суждений.

Подростковые неврозы

Невротические нарушения у детей и подростков, как правило, протекают с нарушениями поведения. Одни – становятся робкими, вялыми, застенчивыми; другие – замкнутыми и озлобленными; третьи – двигательного расторможенными, упрямыми и несговорчивыми.

Клиническая картина выглядит следующим образом: беспокойство, тревожность, капризность. Такие подростки испытывают страх одиночества, замыкаются в себе, становятся «изгоями». При корректном педагогическом подходе страхи обычно быстро проходят. В противном случае, они могут стойко зафиксироваться и вызывать вторичные изменения личности с присоединением психопатоподобных форм поведения.

Следовательно, вторичные нарушения поведения при педагогической запущенности, связанной со «школьным неврозом» и неправильным педагогическим подходом к подросткам-невротикам вследствие непонимания истинных причин их отставания в учебе и неправильного поведения, могут вылиться в тяжелую патологию личности и вести к стойкому нарушению адаптации [20].

Пубертатная шизофрения

Среди асоциальных проявлений и прочих трудностей поведения у больных шизофренией доминируют побег из дома, воровство, лживость, нарушения сексуального цикла, иногда с характером извращения и другое [13].

Шизоидные расстройства могут проявляться различно: расстройства настроения (например, по типу дисфории (угнетения); раздражительность, озлобленность, тоскливость, неустойчивость, излишняя доверчивость и повышенная внушаемость.

Некоторые психиатры отмечают такие черты, как замкнутость, скрытность, молчаливость, упрям-

ство, робость, стеснительность, истерические проявления. Отмечают, что на разных этапах, помимо основных психопатоподобных расстройств, наблюдались невротоподобные проявления, аффективные колебания, патологическое фантазирование и другие психотические симптомы. Клиническая картина характеризуется динамикой, интеллект формально остается не сниженным, однако обнаруживаются некоторые шизофренические нарушения мышления [2, с. 54–65].

Таким образом, отметим, что личность каждого – уникальна и реакция на внешние раздражители – строго индивидуальна, в связи с чем, невозможно охарактеризовать конкретное расстройство психики с геометрической точностью, так как границы характеристики носят достаточно относительный и даже «размытый» характер, иногда несколько нарушений сосуществуют одновременно.

Также у подростков часто встречаются психогенно обусловленные пограничные состояния, к которым отнесены:

реакция отказа – состояние, которое возникает при столкновении несовершеннолетнего с препятствиями, трудностями, которые выбивают его из «колеи». Классический вариант проявления указанной реакции – отказ от учебы или выполнения обязанностей. Фактически, в «корне» поведения лежит защитная реакция, т.е. посредством демонстративного отказа подросток ограждает себя от возможного стресса и разочарований. При неверном педагогическом подходе, такая реакция может трансформироваться в реакцию протеста, которая усугубляет состояние конфликта;

реакция протеста характеризуется негативизмом, внешним выражением протестующей реакции личности на персональную трудную ситуацию. Возможные причины возникновения – психотравмирующие ситуации, как-то: развод, грубое отношение, выраженное в применении физических наказаний, конфликты между родителями, злоупотребление алкоголем и прочее. Реакция протеста может быть, как психологической, так и патологической. Причём, при длительности психотравмирующей ситуации и при наличии комплекса условий, психологическая реакция протеста может трансформироваться в патологическую. Клиническая картина различна: от реакций пассивного протеста с преимущественно соматовегетативными проявлениями (рвота, энурез, анорексия) до попыток суицида и реакций активного протеста с агрессивным поведением и разрушительными действиями, распространяющимися за пределы определенной микрогруппы;

реакция имитации выражается в подражании лицу, которое для подростка – авторитет. Однако часто этим самым авторитетом становится асоциальный «герой». Источники: СМИ, контент просторов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который может и «успешно» оказывает, как правило, масштабное отрицательное влияние на психику подростков;

реакция отрицательной имитации – модель поведения, прямо противоположная модели, на-

взаываемой микро- и (или) макро- средой несовершеннолетнего;

реакция компенсации — проявляется в восполнении неудач, пробелов в одной области подчеркнутым успехом в другой. Как правило, компенсация носит противоправный характер;

реакция гиперкомпенсации — целенаправленное стремление к успеху в наиболее трудной для себя сфере деятельности: присущая скромность может побудить подростка к отчаянному или вызывающему поступку и др.;

реакция эмансипации — стремление сбежать от удушающей гиперопеки со стороны взрослых, стремление к самостоятельности и самоутверждению. Может быть выражена в отрицании общепринятой системы ценностей, различных вариациях девиантного поведения и т.д. и т.п.;

реакция группирования — ситуация, при которой подростки консолидируются по критерию общности интереса, взглядов и пр. [12].

Необходимо отметить, что негативные состояния немотивированного упрямства, раздражительности, агрессивности встречаются уже у маленьких детей в период одного из первых возрастных кризисов (около 2–3-х лет), так называемый, кризис негативизма или сепарации [14, с. 288].

На языке психиатров описанные состояния обозначаются как психопатоподобные состояния у несовершеннолетних или патологические реакции пубертатного возраста. Причиной их являются не какие-либо конкретные психотравмирующие ситуации, а трудности приспособления к новым социально-психологическим требованиям, предъявляемым подростку жизнью; а также временные нарушения внутреннего и внешнего психологического равновесия, обусловленные личностной и биологической дисгармонией, свойственной большому количеству подростков в пубертатном возрасте.

Под влиянием этих причин, на фоне личностных сдвигов могут возникать патохарактерологические реакции с трудностями социальной адаптации, нередко и с асоциальным поведением.

Нередко патохарактерологические проявления тесно переплетаются с невротическими расстройствами: колебаниями настроения, повышенной утомляемостью, нарушениями сна, головными болями, ипохондрическими переживаниями, что с несомненностью говорит о болезненной природе данного состояния, а не просто о социально-педагогической запущенности.

Как и другие формы патохарактерологических реакций, психопатоподобные состояния у подростков вполне обратимы, но в тоже время, при определенных условиях (неблагоприятная среда, церебральная недостаточность и др.), они могут фиксироваться и стать началом патохарактерологического развития.

Следует отметить, что патохарактерологических реакций — множество, в настоящем исследовании на обозрение представлены основные. В специальной литературе имеются описания

гиперкомпенсации при физических дефектах с переживанием собственной недостаточности «эпилептоидных реактивных состояний» и некоторых других видов патологических личностных реакций [10, с.180].

Таким образом, лица, страдающие подобными формами патологии, могут встать на преступный путь, так как клиническая картина, наравне с ранее описанной симптоматикой, свидетельствует о наличии элементов поведенческой жестокости, атрофии личной и социальной ответственности. Такие лица нуждаются в комплексном лечении с применением инструмента социальной реабилитации.

Устранить или, по крайней мере, минимизировать подобные невротические и патохарактерологические проявления возможно с учётом типологических особенностей ребёнка, возрастного периода, микро социального климата.

Автор исследования, по итогам изучения научной литературы и законодательства, регулирующего особенности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, пришел к выводу о наличии некоторых пробелов, в связи с чем, предлагает внесение следующих изменений.

1. В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ полная невменяемость исключает наступление уголовной ответственности, в то время как ограниченная вменяемость таковых последствий не влечет. То есть, в условиях неполного осознания и понимания фактического характера и общественной опасности действий и (или) бездействий и неполной способности ими руководить, лицо подлежит уголовной ответственности с назначением ему наказания практически на общих началах.

При этом во 2 части нормы указано, что такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания, а также может являться основанием к назначению принудительных мер медицинского характера.

Такая категория, даже с учётом сохранения определённого элемента осознанности, является по определению больной (медицинский критерий), и нуждается в получении своевременной и квалифицированной медицинской помощи.

Поэтому является очевидным, что лица, страдающие психическим расстройством, в случае не оказания им своевременной и качественной помощи, впоследствии могут приобрести стойкое патологическое состояние с характерным признаком полной невменяемости. Временные психические расстройства, как правило, не уходят самостоятельно в ремиссию, а требуют контроля и внимания.

В связи с чем, автор предлагает внесение изменений в действующую редакцию статьи посредством дополнительного указания на необходимость применения обязательной программы медицинской реабилитации к исследуемой категории лиц.

2. В статье 421 УПК РФ указано, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психи-

ческим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 2).

Из буквального толкования действующей редакции статьи следует, что для выяснения обстоятельств: «понимал ли несовершеннолетний характер своих действий» и «был ли способен руководить своими действиями», необходимо «наличие данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии».

Вместе с тем, где должны быть отражены эти данные, кем должен быть удостоверен данный факт, остается неурегулированным в рамках правового поля, и как следствие, на практике.

Как известно, в психиатрии существует перечень заболеваний, протекающих латентно.

То есть подросток может выглядеть здоровым с нормальным уровнем психофизического развития, однако это не соответствует действительно положению вещей [15, с. 52–60].

Либо некоторые отклонения от психической нормы могут восприниматься взрослыми как негативные черты характера подростка, либо возрастные кризисы.

Например, в психиатрии имеется разновидность заболевания, так называемая, латентная шизофрения – форма шизофрении, протекающая с «лёгкими патологическими расстройствами», с отсутствием психотической симптоматики [4].

Так, Герман Роршах обозначал термином «латентная шизофрения» внешне адекватно функционирующих лиц, которые на его тесты отвечали так же, как больные шизофренией [6, с. 512].

В этой связи, полагаем необходимым внести изменения в действующую редакцию статьи 421 и указать на необходимость проведения меди-

цинского освидетельствования в отношении всех несовершеннолетних, совершивших преступление (я) вне зависимости от наличия информации об отставании в психическом развитии.

Изменение нормы будет способствовать более объективному и всестороннему анализу психофизического состояния подростка и позволит своевременно принять меры медицинской и социальной реабилитации.

3. Автор также предлагает создание специализированных бесплатных курсов, нацеленных на психолого-педагогическую коррекцию таких лиц, которая будет включать проработку внутренних личностных противоречий, детских травм, закомплексованности и прочих негативных явлений. Указанные курсы могут проводиться на базе психиатрических больниц (клиник), а в качестве преподавателей (коучеров) могли бы выступать студенты-практиканты старших курсов.

Таким образом, коучинг подобного рода будет способствовать реальной, а не номинальной ресоциализации лиц, страдающих патологиями.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что личность ювенального преступника, изучение и анализ её природы является важным в контексте способа профилактики преступности несовершеннолетних.

Принимая во внимание изменчивость общественных отношений, законодателю следует на постоянной основе совершенствовать правовые нормы, в частности, регламентирующие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

Синхронизация динамики общественных отношений с грамотным правовым регулированием есть эффективное условие превенции ювенальной преступности.

Литература

1. Полынин В. М. Мама, папа и Я. М.: Советская Россия, 1969. 319 с.
2. Меринов А. В., Шустов Д. И., Лукашук А. В., Шитов Е. А. Детская и подростковая психиатрия. URL: <https://www.rzgmu.ru/images/files/9/3726.pdf> (Дата обращения: 01.06.2020).
3. Андронникова О. О. Психофизиологические факторы возникновения виктимности поведения подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. 2005. 25 с.
4. Блейхер В. М., Крук И. В. Шизофрения латентная. Толковый словарь психиатрических терминов URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml (Дата обращения: 01.06.2020).
5. Буторин Г. Г., Долгова В. И. Невропатия и психический инфантилизм как преимущественные расстройства в детском возрасте URL: cyberleninka.ru. (Дата обращения: 01.06.2020).
6. Вид. В. Д. Психотерапия шизофрении URL: <https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd> (Дата обращения: 01.06.2020).
7. Ганнушкин Петр. «В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств» URL: <https://mybook.ru/author/petr-gannushkin/v-dushe-psihipata-puteshestvie-v-mir-bez-zhalosti/read/>. (Дата обращения: 01.06.2020).
8. Грей Джон. Дети – с небес. Уроки воспитания. Как развивать в ребёнке дух сотрудничества, отзывчивость и уверенность в себе. М.: ООО Книжное издательство «София», 2019. 352 с.
9. Жигарев Е. С., Петухов В. И. Философия криминологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 381 с.
10. Жигинас Н. В., Семке В. Я. Психическое здоровье студентов: монография. Томск: издательство ТГПУ, 2009. 180 с.
11. Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья. Дети. Школа. М.: юридическая литература, 1989. 444 с.
12. Личко А. Е. Шизофрения у подростков. URL: www.drfv.ru/book/lichko3.pdf. (Дата обращения: 01.06.2020).
13. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни ребенка/ Людмила Петрановская. М.: АСТ, 2019. 288 с.
14. Рассказова Е. И. Латентные личностные профили при психических заболеваниях: анализ реструктурированных клинических шкал URL: <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-1-52-60>. (Дата обращения: 01.06.2020).
15. Реуцкая И. Е. Психологические особенности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей // Прикладные и экспериментальные исследования. 2011. № 3. С. 85-94.

16. Русанова А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 4 (12). С.15–25.
17. Сарафанова Л. В. Процесс виктимизации подростков и педагогические возможности его предупреждения URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-viktimizatsii-podrostkov-i-pedagogicheskie-vozmozhnosti-ego-preduprezhdeniya/viewer>. (Дата обращения: 01.06.2020).
18. Статистика браков и разводов по данным Росстат URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/>. (Дата обращения: 01.06.2020).
19. Циркина С. Ю. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста под редакцией 2-е изд., переработанное и дополненное. URL: <https://books.google.ru/books?id=NgjxgRGncUsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (Дата обращения: 01.06.2020).
20. Чечель Г. И. Заметки юриста по поводу... (О прошлом и почти о настоящем): Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004. 80 с.
21. Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). URL: Интернет-ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-viktimologiya-ponyatie-soderzhanie-profilaktika/viewer>. (Дата обращения: 01.06.2020).
22. Aceves, M. J., & Cookston, J. T. Violent victimization, aggression, and parent adolescent relations: Quality parenting as a buffer for violently victimized youth // Journal Youth Adolescence. 2006. No. 36. P.635–647.
23. Anderson J.F., Dyson L., Grandison T. African Americans, violence, disabilities, and public policy: A call for a workable approach to alleviating the pains of inner city life // The Western Journal of Black Studies. 1998. No. 22. P.94–103.
24. Cuevas C.A., Finkelhor D., Turner H.A., & Ormrod R.K. Juvenile delinquency and victimization: A theoretical typology // Journal of Interpersonal Violence. 2007. No.22. P.1581–1602 URL: <https://doi.org/10.1177/0886260507306498> (Дата обращения: 01.06.2020).

References

1. Polynin V. M. Mama, papa i Ya (*Mother, father and me*). Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969. 319 p. (In Russian).
2. Merinov A. V., SHustov D. I., Lukashuk A. V., SHitov E. A. Detskaya i podrostkovaya psihiatriya (*Child and adolescent psychiatry*) URL: <https://www.rzgm.ru/images/files/9/3726.pdf> (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
3. Andronnikova O. O. Psihofiziologicheskie faktory vozniknoveniya viktimnosti povedeniya podrostkov (*Psychophysiological factors in the emergence of the victimization of adolescent behavior*): abstract of thesis, 2005. 25 p. (In Russian).
4. Blejher V. M., Kruk I. V. Shizofreniya latentnaya. Tolkovyj slovar' psichiatricheskikh terminov: (*Latent Schizophrenia. Explanatory dictionary of psychiatric terms*) URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
5. Butorin G. G., Dolgova V. I. Nevropatiya i psicheskij infantilizm kak preimushchestvennye rasstrojstva v detskom vozraste (*Neuropathy and mental infantilism as primary disorders in childhood*). URL: cyberleninka.ru. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
6. Vid. V. D. Psihoterapiya shizofrenii. (*Psychotherapy of schizophrenia*) URL: <https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd> (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
7. Gannushkin Petr. «V dushe psihopata. Puteshestvie v mir bez zhalosti, sovesti i chuvstv» (*In the soul of a psychopath. A journey into the world without pity, conscience, or feelings*) URL: <https://mybook.ru/author/petr-gannushkin/v-dushe-psihopata-puteshestvie-v-mir-bez-zhalosti/read/>. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
8. Grej Dzhon. Deti – s nebes. Uroki vospitaniya. Kak razvivat' v rebyonke duh sotrudnichestva, otzyvchivost' i uverenost' v sebe/perev. s angl. (*Children are from heaven. Parenting lessons. How to develop a child's spirit of cooperation, responsiveness and self-confidence*) M.: ООО Knizhnoe izdatel'stvo «Sofiya», 2019. 352 s. (In Russian).
9. Zhigarev E. S., Petuhov V. I. Filosofiya kriminologii (*The philosophy of criminology*). Moscow: OLMA-PRESS, 2006. 381 p. (In Russian).
10. Zhiginas N. V., Semke V. Ya. Psicheskoe zdorov'e studentov (*Mental health of students: monograph*). Tomsk: TSPU publ., 2009. 180 p. (In Russian).
11. Igoshev K. E., Min'kovskij G. M. Sem'ya. Deti. Shkola. (*Family. Children. School*). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 444 p. (In Russian).
12. Lichko A. E. SHizofreniya u podrostkov (*Schizophrenia in adolescents*). URL: www.drlev.ru/book/lichko3.pdf. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
13. Petranovskaya L. V. Tajnaya opora: privyazannost' v zhizni rebenka (*Secret support: affection in a child's life*). Moscow: AST, 2019. 288 p. (In Russian).
14. Rasskazova E. I. Latentnye lichnostnye profili pri psicheskikh zabolevaniyah: analiz restrukturirovannykh klinicheskikh shkal. Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V. M. Bekhtereva (*Latent personality profiles in mental illness: an analysis of restructured clinical scales*). URL: <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2019-1-52-60>. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
15. Reuckaya I. E. Psihologicheskie osobennosti roditel'j i nesovershennoletnih iz neblagopoluchnyh semej (*Psychological characteristics of parents and minors from dysfunctional families*) // Prikladnye i eksperimental'nye issledovaniya. 2011. No. 3. P. 85–94. (In Russian).
16. Rusanova A. A. Sem'ya kak cennost' i institut social'nogo samoopredeleniya studencheskoj molodezhi (*Family as a value and institution of social self-determination of students*) // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). 2012. No. 4 (12). P. 15–25. URL: www.sisp.nkras.ru. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
17. Sarafanova L. V. Process viktimizatsii podrostkov i pedagogicheskie vozmozhnosti ego preduprezhdeniya (*The process of victimization of adolescents and pedagogical possibilities of its prevention*) // Vestnik TGU. 2012. No. 3 (107). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-viktimizatsii-podrostkov-i-pedagogicheskie-vozmozhnosti-ego-preduprezhdeniya/viewer>. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).

18. Statistika brakov i razvodov po dannym Rosstat (*Statistics of marriages and divorces according to Rosstat*) URL: <https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/> (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
19. Cirkina S. Yu. Spravochnik po psihologii i psikiatrii detskogo i podrostkovogo vozrasta pod redakciej (*Handbook of psychology and psychiatry of children and adolescents*) URL: <https://books.google.ru/books?id=NgjxgRGncUsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
20. Chechel' G. I. Zametki yurista po povodu... (O proshlom i pochtu o nastoyashchem) (*Lawyer's notes on... (about the past and almost the present)*): Stavropol': Serveshkola, 2004. 80 p. (In Russian).
21. Shalagin A. E. Kriminal'naya viktimologiya: ponyatie, sodержanie, profilaktika (*Criminal victimology: concept, content, prevention*) URL: Internet-resurs: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-viktimologiya-ponyatie-soderzhanie-profilaktika/viewer>. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
22. Aceves M. J., & Cookston, J. T. Violent victimization, aggression, and parent adolescent relations: Quality parenting as a buffer for violently victimized youth // *Journal Youth Adolescence*. 2006. No. 36. P.635–647.
23. Anderson J. F., Dyson L., Grandison T. African Americans, violence, disabilities, and public policy: A call for a workable approach to alleviating the pains of inner city life // *The Western Journal of Black Studies*. 1998. No. 22. P.94–103.
24. Cuevas C. A., Finkelhor D., Turner H. A., & Ormrod R. K. Juvenile delinquency and victimization: A theoretical typology // *Journal of Interpersonal Violence*. 2007. No.22. P.1581–1602. URL: <https://doi.org/10.1177/0886260507306498> (Accessed: 01.06.2020).

Информация об авторе

Каледин Максим Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zamnianc@mail.ru

Information about the author

Kaledin Maksim – post-graduate student, Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / zamnianc@mail.ru